

— Что плохого в Сань-гэ? — нарочито спросила Красная Фасолька. — Как ты думаешь, он был бы хорошим парнем?

А-Да удивился:

— Лаосань как парень? Ты в него влюбилась?

— Сань-гэ такой хороший, красивый, интересный и богатый.

— Ты сама это понимаешь, так что он вряд ли обратит на тебя внимание.

Красная Фасолька рассердилась:

— Ай, А-Да, ты можешь не критиковать меня каждый раз?

А-Да улыбнулся:

— Лаосань не для тебя. Не суди о людях по одному аспекту. Ты ещё молода, не можешь видеть всего.

— А ты видишь? Расскажи мне.

— Лаосань он... — А-Да не знал, как сформулировать, подумал и неопределённо сказал:

— Я не всё вижу. У каждого есть сторона, которую он показывает другим, и та, которую скрывает...

— Я поняла, ты хочешь сказать, что Сань-гэ плохой, и всё, что он показывает, это притворство?

А-Да остановился под деревом рамбутана и серьёзно сказал:

— Нет. У каждого есть что-то, что он не хочет показывать другим. Иногда это для того, чтобы обмануть, а иногда просто потому, что неловко. Это личное достоинство человека, и если ты случайно увидишь что-то, лучше сделать вид, что не заметила.

Красная Фасолька не поняла:

— Значит, если он забыл застегнуть ширинку, и я это увидела, мне лучше не напоминать ему?

А-Да рассмеялся, подумав, что Лаосань вряд ли забудет застегнуть ширинку. Он не собирался углубляться в эту тему с Красной Фасолькой. В её возрасте моральные принципы очень строги, и люди делятся на хороших и плохих, что является своеобразной защитой.

Красная Фасолька спросила:

— Если Сань-гэ плохой, почему ты живёшь с ним? Можно ли общаться с тем, кто тебе не нравится?

— Мне он нравится. Плохой или нет, это одно, а нравится или нет — другое. Ты любишь эти туфли, хотя они неудобные и трудно надеваются, правда?

— Неправда! — Красная Фасолька громко запротестовала у него на ухо.

Она не понимала, почему А-Да постоянно критикует её дорогие вещи, и к тому же — это был

первый раз, когда она услышала от А-Да, что он к кому-то испытывает симпатию.

Она была потрясена, сердце её забилось быстрее, и она едва сдержалась, чтобы не спросить: А-Да, а я? Ты меня любишь?

Подумав, она всё же не решилась задать этот вопрос. Из-за своей юной застенчивости, а также потому что Лаосань был неподалёку, играя с Дахуаном в траве.

Она вдруг поняла, что некоторые вещи, даже самые правильные, могут вызывать смущение, если о них узнают другие. Но как долго она сможет хранить этот секрет? Её охватила тревога, и даже радость от новой одежды и близости с А-Да мгновенно исчезла.

А-Да сказал:

— Если тебе нравятся такие туфли, это нормально, но нужно самой зарабатывать, а не просить других покупать их для тебя.

— Я отдам деньги Сань-гэ! В этом году я заканчиваю школу, смогу работать и зарабатывать, не потратив ни копейки чужого.

А-Да поспешно ответил:

— Ты ещё молода, сначала нужно учиться. Хорошо учись, поступи в университет, а потом думай о покупках.

Красная Фасолька ещё больше расстроилась:

— Я не поступлю в университет, хватит меня заставлять учиться!

А-Да замолчал. Он знал, что с её оценками она вряд ли поступит в местный университет, а обучение в частном колледже за границей было бы огромной тратой денег...

Теперь очередь А-Да была переживать, и они оба молчали, каждый погружённый в свои мысли, а в ушах раздавался только лай Дахуана.

Перед началом учебного года учитель Чжун вызвал А-Да и с недовольным видом сказал, что 5 юаней — это слишком, максимум 3. Если не нравится, уходите.

Лаосань, не говоря ни слова, взял А-Да за руку и повёл прочь.

Учитель Чжун быстро крикнул:

— 4 юаня! Больше не дам.

А-Да и так не собирался торговаться, поэтому сразу согласился. Лаосань не успел его остановить и с досадой подумал, что нужно было сразу просить 10.

Когда они вышли, Лаосань ворчал:

— Ты слишком мягкий. Если он может дать 4, значит, может и 5. Нужно было подождать, он бы сам тебя уговаривал.

— Эх, 4 и так много, у студентов не так много денег на еду.

Лаосань усмехнулся:

— Тогда вообще не бери денег. Бизнес — это бизнес, а благотворительность — это благотворительность. У тебя и так доход небольшой, нет своего дела, даже нормального дома нет, зачем быть таким благородным?

А-Да промолчал.

В последнее время Лаосань был раздражительным, говорил резко, и А-Да подумал, может, он просто переел и перегрелся?

У Лаосаня зазвонил телефон, он взглянул на экран и отошёл под дерево, чтобы ответить. Его выражение лица и тон были необычными, мягкими и терпеливыми.

Разговор длился всего пару минут. Когда Лаосань вернулся, А-Да не удержался и спросил:

— Кто это был?

Лаосань посмотрел на него и недовольно сказал:

— Пойдём.

На этот раз они ехали на трёхколёсном велосипеде, Лаосань сидел в кузове, спиной к А-Да. Когда они тронулись, голова Лаосаня постоянно касалась спины А-Да. Через некоторое время А-Да заметил, что Лаосань просто прислонился к нему.

А-Да не отстранился и больше не спрашивал о том звонке.

Последующие дни прошли в привычной суете. Они, как обычно, занимались огородом, кормили кур, готовили еду, помогали деревне в сельском хозяйстве, искали ингредиенты в лесу. Через два месяца А-Да снова приготовил ужин, и места снова были нарасхват.

Незаметно Лаосань провёл в лесу почти полгода. Он полностью привык к влажной и жаркой погоде, тяжёлому труду и сблизился с жителями деревни. Когда Чжоу Доцзинь вернулся, работа Лаосаня стала менее напряжённой, и он часто ходил на курорт к Пьеро.

Пьеро уже обосновался в лесу, нанял трёх рабочих, чтобы они заботились о его быте, и, похоже, совсем не торопился с развитием курорта, ведя себя так же, как А-Да с огородом — что вырастет, то вырастет.

Пьеро жил в хижине на сваях, обстановка была простой — в этом он был похож на А-Да, но Лаосань знал, что Пьеро использовал дорогой дизайн, а их дом был настоящей развалюхой.

Каждый раз, когда Лаосань приходил, Пьеро был рад. На столе стояло хорошее вино, испанский хамон и манго из Бангладеш, Пьеро лежал на кушетке, кормя свою змею Сяо Цзю — так он называл кровавого питона, потому что на его теле было девять полных узоров в виде монет.

Лаосань спросил:

— Ты хорошо дрессируешь змей, раньше этим занимался?

Пьеро улыбнулся:

— Дрессировать? Я был большой звездой, снимал много телешоу про змей, видел, наверное, 80% всех видов змей в мире.

Лаосань кивнул, не особо заинтересовавшись. Он знал, что Пьеро на самом деле занимался импортом и экспортом ценных пород дерева, таких как сандал и наньму. Этот парень, как и он сам, был любителем вкусно поесть и хорошо провести время, и теперь, заработав достаточно, практически вышел на пенсию, посвящая всё своё время хобби — играм со змеями и наблюдению за птицами, редко выбираясь в город.

Иногда они вдвоём ходили в лес. Пьеро, в отличие от А-Да, не имел никаких ограничений — ловил рыбу, устраивал пикники, как-то раз даже построил в лесу подвесной мост длиной 800 метров, ставил ловушки для обезьян, искал белых змей в пещере летучих мышей...

С точки зрения компании, Лаосаню было легче и интереснее с Пьеро, их ценности были схожи, но каждый раз, когда Пьеро предлагал ему остаться на ночь, Лаосань неизменно отказывался.

Пьеро поддразнивал его:

— Тебе хозяин не разрешает ночевать вне дома? Эй, ты что, его раб?

— Сам ты раб! В твоей конуре мне не спится!

Лаосань не врал. Как бы весело они ни проводили время, только возвращаясь в дом А-Да, он мог спокойно заснуть. Он привык, что каждый вечер, проходя мимо комнаты А-Да, слышал его лёгкие шаги по полу, и это приносило ему чувство умиротворения, все тревожные мысли словно уходили в пол, не мешая его сну.

Иногда он думал, что, возможно, уже считает эту хижину своим домом.

[Примечание автора]

<http://bllate.org/book/16329/1473953>